
уровня. Естественно, система ценностей и весь механизм ее создания и функционирования не могут быть ничем иным, кроме как гибридом из элементов упомянутых социальных организаций, которые во многих отношениях вообще несовместимы. Рассчитывать на то, что сложится единая, гармоничная и устраивающая хотя бы достаточно значительную часть россиян система ценностей, по меньшей мере наивно. Совместить в одном и том же сознании то, что навязывают попы, что мутным потоком льется через СМИ и культуру с Запада и что узнается из старых (советских) фильмов, воспоминаний стариков и демагогических призывов правителей и идеологов, можно только ценой идейного хаоса, морального разложения, массовых психических и интеллектуальных заболеваний, что и можно наблюдать сейчас невооруженным глазом в России.

Наговорить множество фраз, которые можно выдать за формулу некой системы ценностей, можно без всякого труда. По числу болтунов на душу населения Россия сейчас превзошла все, что было в истории и есть на планете. Но станут ли эти слова реальной системой ценностей, это зависит от новой социальной организации в целом и от положения России в мировом окружении. Я на этот счет ничего обнадеживающего не вижу. Вижу лишь возможность имитации, показухи или, как теперь стали говорить, виртуальности.

Людмила Бueva

Жизнь и здоровье человека — базовые критерии справедливости общества

Высшая ценность, **значимость** для бытия общества жизни и здоровья человека не так очевидны, как кажется на первый взгляд, и не являются абсолютom во все времена. В разных ситуациях ценности жизни, а тем более здоровья людей относительно и могут быть снижены в иерархии ценностей. Но в этих ценностях есть и мера абсолютности: во-первых, человеческая жизнь — исток особой сферы бытия Вселенной, нового уровня ее «осознания» и созидательного творчества; во-вторых, эта ценность всегда принадлежит к числу тех «табуированных» («не убий») констант бытия, которые обозначают границы собственно человеческого поведения в сфере всего живого, высшую норму отношения к людям; в-третьих, защита жизни и здоровья — важнейшее условие воспроизводства и развития человека и, казалось бы, особо нуждается в существовании мощных систем безопасности и защиты первичного права человека на жизнь; в-четвер-

тых, реальный парадокс бытия состоит в том, что в обществах разного типа всегда существует гораздо более мощная система насилия и защиты разного рода ценностей от «вещно-предметных» до фантомных и менее всего собственно человеческого богатства — качества жизни и здоровья как показателя и условия полноты бытия человека и реализации его способностей.

В истории философской мысли Запада и Востока отношение к этим ценностям было исторически неоднозначным — от абсолютно положительного рассмотрения жизни как стремления к счастью и наслаждению до отрицательного понимания жизни как юдоли страданий и мученичества. Столь же многолико и рассмотрение отношения к смерти. Сами эти проблемы чрезвычайно многогранны, могут быть рассмотрены с разных сторон: во-первых, необходимо различать ценность *моей* и «чужой» жизни — они неоднозначны; во-вторых, ценность жизни для общества, соотношение вербального и реального уровня демонстрирует часто резкое расхождение; в-третьих, жизнь не только биологический, но и социокультурный феномен и между этими «уровнями» существует противоречивое взаимодействие; в-четвертых, ценность жизни зависит от ее качества — смысла, содержания, целей и путей их реализации и т.п. Затронем лишь некоторые аспекты.

В целом значимость для человеческого бытия показателей здоровья и жизнеспособности никогда не бывает и не может быть нулевой, но в некоторые кризисные периоды, сопровождающиеся огромными потерями и невыносимыми тяготами жизни, эти ценности сравнительно легко приносятся в жертву, а сама жертвенность становится формой высшей добродетели. А. Камю заметил, что в эти судьбоносные периоды **солидарность** людей должна быть высшей ценностью и средством для выхода из кризисной ситуации, между тем именно в эти «смутные времена» человечество раскалывается на «палачей и жертв», а человеческая жизнь совсем «падает в цене». Один из парадоксов истории заключается в том, что «жертв» всегда больше, чем «палачей», которые к тому же всегда активно призывают и принуждают *других* к жертвенности во имя защиты ценностей гораздо более «низкого» ранга, но значимых именно для «палачей». А. Камю заметил также живучесть этого «разделения» и, несмотря на многие попытки в истории, до сих пор не удается ни перевернуть это соотношение, ни сократить число жертв.

Более того, история таит в себе и другие парадоксы. Чем более массовым становится движение против раскола человечества на «жертв и палачей», тем больше жертв приносится на алтарь Истории. Конечно, это деление в какой-то мере условно, но не менее его условен вопрос, который задал другой гуманист XX века Э. Фромм — кто же все-таки человек — «волк или овца?». Человек

парадоксален и противоречив, он «открытая система» — способен к восхождению, самосовершенствованию, о чем свидетельствует история культуры. Но он способен и к «вторичному одичанию», «нисхождению» и культурной деградации. И если первое требует столетий огромного душевного труда поколений, то второе — просто «снятия культурных одежд», декультурации, которая может произойти за одно поколение. Поэтому сохраняется и воспроизводится (нередко в больших масштабах) трагизм человеческого бытия, который заключается не столько в осознании смертности каждого человека, сколько в том, что человек продолжает убивать себе подобных, несмотря на тысячелетние «заповеди-заклятья» — «не убий», «меряй единой мерой свою и чужую жизнь», ибо дороже ее нет ничего на земле для человека и др. Трагизм также в том, что человек убивает себе подобных часто отнюдь не в целях выживания и защиты, а слишком часто из-за фантомных социокультурных ценностей в диапазоне от денег, вещей, политических деклараций до религиозных и идеологических культов или фанатизма. Э. Фромм справедливо заметил, что человек, по существу, единственное живое существо, которое может находить в актах убийства и истязания себе подобных особое удовольствие. И это происходит чаще всего не только стихийно, как следствие дикого иррационализма. В современном обществе существуют мощные системы стимуляции, «культивирования» потребностей в насилии и в то же время гораздо меньше средств и систем, которые защищали бы человека от насилия и от стимуляции извращенных потребностей.

Человек не бессилен против своих пороков, он способен преодолеть зло, он может созидать великие творения и ценности, но может создавать и чудовищные по своей силе и изощренности средства и орудия уничтожения и калечения жизни. Способен ли человек защитить и взрастить человеческую жизнь без насилия, по высшим меркам культуры? Несомненно, но для этого как минимум нужно осознать уникальность и ценность человеческой жизни и создать мощную и разветвленную социокультурную систему ее защиты и культивирования. В бесчеловечных условиях жизни человек не может стать человеком, он так и не преодолеет дьявольский раскол на «жертв и палачей», на «волков и агнцев». Это предполагает действительную, а не вербальную смену ценностных ориентиров, выдвижение на первый план ценностей человеческой жизни и человеческих форм богатства, резкое сокращение сферы насилия в обществе и возвращение к обновленным ценностям солидарности, справедливости, выравниванию недопустимой меры раскола в условиях бытия — в 30–40 раз существуют различия в качестве и уровне жизни в масштабах всего человечества, которое обречено на обслуживание «золотого миллиарда». Это трудная система задач и самая сложная из них — изменение человеческого менталитета, устранение или смягчение рас-

кола и деградации нравов, утверждения гуманистических форм патриотизма и прекращение культивирования зла, насилия, убийств, мести и ненависти хотя бы сначала в системе ТВ, где за день можно увидеть до 400 сцен всякого рода насилия, горы расчлененных трупов и озверевшие человеческие «имиджи» вместо лиц (см. данные социологических исследований в книге: *Собкин В.С., Хлебникова М.В., Грачева А.М. Образование и информационная культура. М., 2000*).

Конечно, не стоит быть утопистом и надеяться, что без изменения качества жизни можно лишь изменить ее «образ», «картинку» на экране и тем самым взрастить человеческие добродетели. Но нужно помнить, что «быть человеком трудно», что человек растет и развивается в обществе людей, не только в биологической среде по законам природы, но и в социокультурной среде, и если за последние годы в России, бывшей одной из самых грамотных стран мира, 1/3 детей «прошла мимо школы», то что можно ожидать от этого поколения? Следует заметить, что лейтмотивом многих депутатских и гражданских собраний, ток-шоу и т.п. стал постоянный рефрен-жалоба — «нет денег» в ответ на предложения «детских программ». Денег действительно всегда не хватает. Страшно другое. Россия, объявив демократический, гуманистический путь развития, не имеет денег прежде всего на детей, на поддержку семей, на детские и молодежные программы, на науку, образование и культуру, на медицину, т.е. на все то, что защищает человеческую жизнь. И облагораживает ее. И несмотря на растущую демократию, большинство людей так и не знает, куда ушли и уходят «нефтяные» и подобные им деньги, какая доля их пошла действительно на человеческие нужды. Но дело ведь не только в деньгах, сколько во внимании общества, властных структур к этим проблемам. Между тем продолжает действовать еще одна историческая негативная традиция в России — «низкая цена человеческой жизни». На пороге XXI в. в России масса бродяг, бомжей, обездоленных, брошенных детей, объясняя положение которых один из видных деятелей культуры, не смущаясь, сказал, что это они «бомжуют» из «любви к свободе», а не потому, что у них нет нормального человеческого дома.

Защита человеческой жизни, проблема «сбережения народа» в России (Солженицын А.И.) принадлежит ныне к самым актуальным проблемам, но пока она не занимает должного места ни в словах, ни тем более в делах. Не следует думать, что всего этого можно быстро достигнуть, но и не ставить таких задач, продолжать искать абстрактную «русскую идею» и оставлять человеческие проблемы жизни и здоровья в современном состоянии — нельзя. Россия подошла к краю, для нее вопрос «быть или не быть» российскому народу — проблема выживания и кардинального изменения ценности жизни.

Обустройство жизни в России — какая идея может быть актуальней? И начинается она с достойного человека существования, медицинского обеспечения, снижения запредельных цен на лекарства. В России ныне тысячи заброшенных сел, поселков, городков, катастрофическая нехватка жилья (и это при массовом возведении «средневековых» замков и вилл в пригородах и тех местах, где обитает «соль земли» — олигархи, криминал и т.п.). Россия выходит на «первые» места по количеству алкоголиков, наркоманов, инфицированных СПИДом. По некоторым данным, до 40% детей и свыше 50% взрослых невротики, а 30% школьников нуждается в помощи психиатра. Что может быть актуальнее решения этих проблем в приоритетном порядке? Пока такая ситуация существует в России, невозможно утверждать, что человеческая жизнь и социальная справедливость являются приоритетными ценностями, что первейшее право человека на жизнь и здоровье надежно защищено. Конечно, все эти проблемы накопились историей. В XIX и XX вв. Россия пережила немало «экспериментов», революций, войн, террора, «обогадив» общество тюремной лексикой и психологией. Но и последнее «шоковое десятилетие» не следует забывать, ибо в ценностном отношении человеческая жизнь и здоровье измеряются в «денежном выражении» резко неравномерно, не говоря о более глубинных социокультурных показателях качества жизни.

Антропологический критерий ценности жизни и здоровья должен иметь в виду все грани человеческого бытия. Человек ведь не только биологическое, но и социокультурное существо, он живет и действует в «тройной среде» — природе, обществе и культуре, испытывая в своей жизни все давления и противоречия, которые ныне типичны для эволюции этих сфер. Это приводит к ситуации перенапряжения человеческих сил, обилию стрессов, тревог, рисков и страхов. Эти факторы тоже нужно учитывать при оценке качества жизни и необходимости введения антропологических критериев в оценку качества деятельности или определения состояния России. Не следует «мерять» успехи только движением капиталовложений, количеством торговых операций, произведенными пудами и тоннами продукции, а тем более обилием слов и решений, исполнение которых, к сожалению, безнадежно отстает от обещаний. Существует главный критерий и, по существу, простой вопрос — когда же человеку на Руси будет жить хорошо? Сколько ему еще идти за «светлым будущим» — в данном случае «цивилизованным капитализмом»? Когда человек будет самоденен для общества? Кто сегодня «ценные люди» и какова их «цена», чем она измеряется, каким качеством и итогом жизни? Актуальны эти вопросы для всех поколений, но острее всего для детей и стариков. Эти проблемы имеют смысложизненный характер, они определяют ведущие ценности и векторы движения об-

щества. Но, к сожалению, четкого ответа на них нет. Для российского менталитета важна традиция выдвижения нравственных, духовных, а не денежных ценностей на первый план. Деньги, конечно, важны, но они средство, а не самоцель и не надо России терять традиции «бессеребренничества» и «нестяжательства».

То, что все эти проблемы возникли не сегодня, — они относятся к вечным — известно, но то, что они резко обострились в последние годы, имеет ряд причин, относящихся как к природе, так и социуму и культуре. Везде вызрел ряд существенных противоречий, поэтому взаимодействие этих сфер друг с другом оказывает сложное влияние на человеческую жизнь и здоровье. Назовем лишь некоторые.

Известно, что Россия переживает период реформ, носящих нередко катастрофический характер, реформ, не имевших какого бы то ни было проекта и в течение длительного времени в их интерпретации использовались совершенно неадекватные понятия и лозунги. Это затрудняло понимание и принятие реформ широкими массами населения, что сопровождалось возрастанием отчуждения народа от власти, от элит. Реформы, идущие с потрясениями, резко снизили качество жизни, резко возросла криминальная среда, активизировался террор, совершалась масса преступлений без наказания и ответственности, что усугубляло социально-психологическую атмосферу в стране. Ухудшение жизни снизило ее ценность. Возросло число самоубийств и криминальных убийств в т.н. «конкурентной среде». Старые ценности рухнули, новые еще не выявились и не прижились, жизнь как бы обесмыслилась и обесценилась. Тем более это связалось с российской традицией, в которой и раньше ценность настоящего времени в жизни была низка, оптимисты ориентировались на «светлое будущее», пессимисты погружались в ностальгию. Вера в «вечную жизнь» и воздаяние была поколеблена (и ныне «истинно верующих» среди прихожан от 3 до 5%, остальные — «обрядоверцы»), внутренняя религиозная мотивация не развита. Отсюда и падение ценности нравственной, ценности жизни как «чужой», так и своей.

Есть и более глубокие причины обесмысливания. Лицо российского капитализма оказалось слишком криминальным, спекулятивным, мошенническим. Была серьезно разрушена производственная основа, сократилась сфера труда, возросла безработица, упало нравственное воздействие и ценность трудового образа жизни. Разочарование в науке привело к росту иррационализма, плюрализм ценностей и мнений нередко проявляется в хаотизации сознания. Произошла инверсия ценностей культуры — ее высокие образцы были вытеснены, массовая культура в вульгарных «низовых» формах заполонила культурное пространство, стали стимулировать и «развешиваться» самые низменные инстинкты, возросли агрессивность и сексуальные извращения. Экраны ТВ заполонила вакханалия

убийств, ужасов, растления (за день до 400 сомнительных сцен) — все это меняло формы восприятия и оценки жизни, на сцене появились либо «антигерои», либо «говорящие головы» политиков, население не понимало ни новых терминов, ни нового образа жизни.

Изменился образ мира и образ жизни — издержек оказалось немало, но основная масса населения все-таки выдержала это наступление «низового сознания», сохранила нравственные ценности жизни и благодаря этому Россия выдержала «шоковый шторм». Однако в целом ценность и качество жизни для большинства сильно снизились. Позитивные тенденции, которые, несомненно, присутствовали и в ходе хаотического реформирования, пока еще слабо выявлены и осознаны.

Есть и глобальные причины, касающиеся не только России. XX век меняет систему отношений и место человека в системе живого вещества планеты. Мера уничтожения его человеком уже катастрофична. Человек осознал, что он лишь *часть* (а не *царь*) природы, не может господствовать над целой природой, истребляя ее живые и неживые формы, меняя и уничтожая экосистемы, трансформируя геологические процессы. Эти попытки «господства» чреваты расплатой. Возник императив — необходимо существенно изменить образ жизни, деятельности, систему ценностей и менталитет, чтобы снова вписаться в мир и восстановить во многом разрушенные адаптационные системы человека (Шоффлер Э.). Природосообразность и человекообразность — две стороны единого процесса восстановления нарушенного равновесия. Современное отношение социокультурных комплексов к природе ведет к утрате разумного контроля за биооснованиями жизненного поведения. Хищничество по отношению к природе оборачивается возрастанием хищничества по отношению к человеку, разрушает естественные законы воспроизводства и развития человеческой жизни, процессы смены поколений, если можно так сказать, ухудшает «породу» человека, что уже заметно по росту т.н. болезней приспособления, аллергии, разрушения иммунитета. Чрезмерная стимуляция инстинктов секса и агрессии ведет к импотенции и извращениям нравственных основ человеколюбия.

Деструкция отношений природной, социальной и культурной среды снижает жизнеспособность человека, рождает полосу бессмысленных убийств и войн. В XVIII в. войны уничтожили 5,5 млн человек, в XIX — 16 млн, в XX в. — более 100 млн человек. Начало XXI в. не обнадеживает радужными перспективами — обилие локальных войн, «горячих точек», рост конфликтности, реставрация средневековых форм террора и пыток — все это создает новые угрозы и риски. Не следует забывать и об опасности техногенных катастроф, которая возрастает на глазах. Все это оживляет и стимулирует психологию ненависти, жестокости, убийства, пренебрежительного

отношения к чужой жизни. Данные МВД России впечатляют, сообщая о росте безмотивных подростковых убийств, совершенных с особой жестокостью, в пьяном или наркотическом состоянии, о росте тяжелых преступлений среди девочек и женщин. Факты можно продолжить, но все-таки еще не поздно остановить эти процессы, большинство человечества сохраняет вековые нормы нравственности как в отношении природы, так и человека.

Необходимо больше опираться на разум, рациональный антропологический контроль. Образование и культура в целом должны быть тоже более природо- и человекообразны. Коэволюция природной, социальной и культурной среды — стратегия поведения в XXI веке. Воспроизводство, защита, безопасность жизни, утверждение ее как ведущей ценности для общества с необходимостью предполагает более глубокое понимание человека, отдавая отчет в том, что в современной ситуации человек становится опасен для себя самого.

Валерия Мухина

Предметный мир как жизненное пространство личности

Категории добра (зла), справедливости (несправедливости), прекрасного (безобразного) в приложении к реалиям жизненного пространства личности расцветивают эти реалии в зависимости от изменений взглядов человечества на их ценность. В разные периоды исторического времени взгляды на ценности реалий то радикально менялись, то представляли как неизменные константы.

Определяемые историей культурного развития, исторически обусловленные реальности существования человека следует классифицировать следующим образом: 1 — *реальность предметного мира*; 2 — *реальность образно-знаковых систем*; 3 — *реальность социального пространства*; 4 — *природная реальность*. (Особое место сегодня занимает *реальность виртуального пространства*, которая, с одной стороны, вбирает в себя все исторически обусловленные предтечи, а с другой — представляет собой еще одну, совершенно особую реальность.)

Каждая из реальностей входит исторически складывающейся составляющей в жизненное пространство личности. Названные реальности столь значительны как условие развития и бытия личности, что требуют отдельного пристрастного рассмотрения.

Сегодня обратимся к рассмотрению **реальности предметного мира**, который стал для человека неотъемлемым условием развития и